

Володимир вышел в блестящей кольчуге, опоясанный мечом. Он был сверстником Морго Тумо. С ними увязался и толмач, Лабордыця, полностью оправдывавший свое имя.

— Ты откуда наш язык знаешь, ялгай? — спросил Морго Тумо.

— Мил человек, жизнь всему научит. Бежал я из плена хазарского. Пристал к вашему племени на Рав. Долго жил, речи вашей выучился. После пристал к Киевскому князю. Который ходил на хазар да раскинул стан в междуречье Оки-реки да Волги. На стрелке. А после уж мимо шли Рязани. Устал, да к рязанцам пристал. Вот служу рязанскому князю Глебу. Это ты с ним разговаривал на крыльце у сына его Игоря. У того вотчина здесь. Большой здесь город?

— Большой,— подтвердил Морго Тумо.

— А в Рязани стены втрое, вчетверо больше. Стены неприступны.

— Ты не умолкнешь ли? — не вытерпел Володимир.— Дай-ка мне словцо вставить. Он оказался любопытным и смешливым. Его прямо потешали и речь, и одежда гостей.— Э, на твоей невесте кика какова! — Он показал на головной убор Звездочки.— Прямо великая княгиня владимирская!

— Она дочь инязора и невеста сына инязора! — гордо ответил Дубовый Сук.

— Как, ты говоришь, прозывают народ твой? Мордэ и ава? Мордава, значит? Мордава? — все потешался и потешался он.— Не сердись. Я не со зла.

Он их провел мимо храма.

— Здесь мы, русские, своему богу молимся... Зайдем?

Вошли внутрь. Темные стены, лики на стенах. Свечи перед ликами. Да... Богу русскому живется лучше, чем Нишке-пазу на дубе. Но зато на дубе вольготно. Там не эти темные стены.

Колокол ударил в вышине. Раз, другой, третий. Мелодичные звоны и внутреннее

убранство храма все более и более очаровывали. А стены и особенно купол над головой уже не давили, а, казалось, тянули вверх, приподнимали. Окрыляли будто. Не поддаваясь, Морго Тумо поспешил вон из храма.

— Что, у вас нет таких храмов? — спросил на выходе Володимир, осеняя себя каким-то своим знаком. Крестом, похоже.

— Нет пока. Нишке-паз на огромном дереве Матор-авы живет посреди земли. Мой покровитель, дуб, возрос от того дерева.

— Вот как! — опять засмеялся Володимир. — Интересно! А мой покровитель и прашур — Владимирский князь Всеволод, а его предок — варяг Рюрик. А наш общий покровитель — Иисус Христос. Самый сильный бог. Бог над всеми. И над вашим Нишке-пазом тоже.

«Может ли такое быть? — недоверчиво прислушивался к нему Морго Тумо. — Надо к дубу священному идти, там спросить и ждать ответа...».

Они прошли все вместе затухающим майданом. Задержались у лоточника с бусами.

Морго Тумо осенило.

— Как добыть такое ожерелье?

— Купи, мил человек, — поспешил с советами Лабордыца. — Белка или монетка. У тебя есть монетка, которую тебе князь дал.

Морго Тумо показал монетку.

— Он за эту монетку тебе весь лоток отдаст, — засмеялся Володимир. — Выбирай своей княгине.

Звездочка сама выбрала себе монисто. Среди ее украшений стекляшки бусинок засветились, словно звездочки на темном небе. И сама Звездочка светилась.

Много ли надо женщине, чтобы она засветилась? Этих стекляшек?! Володимир и Морго Тумо переглянулись, поняли друг друга, засмеялись.

Морго Тумо купил еще бусы — матери, Ветке, и тоже был доволен. Глядя на него, и Володимир добро улыбался.

— Ну вот, и человек стал счастливее, — прочитал его мысли Лабордыца.

— Счастливее? Счастье — это что?

Счастье. Действительно. Что есть счастье? Доброе расположение духа? Может быть. А мужское счастье — в чем оно?

На оставшееся Морго Тумо две горсти соли купил. Пополнил мешочек свой.

— Хочешь мы с тобой будем друзьями? — предложил Володимир.

— Да. Хочу.

— А хочешь побратимами? Чтоб все общее. И беда, и горе. И радость. Чтоб твои враги стали моими врагами, а мои твоими? Чтобы всегда спешили на помощь друг другу, как отцы наши?..

— Да, хочу.

Вытянули навстречу друг другу руки, проткнули княжеским ножом большие пальцы себе, прижались кровью друг ко другу. Побратимы отныне и до века.

Что-то вам судьба приготовила, побратимы?

Перестал Нишке-паз покровительствовать народу Морго Тумо. Перестал помогать, советы давать. Или просто люди перестали его понимать после гибели Дубового Кряжа? Дубовый Кряж понимал. Забирался на священный дуб, молящиеся у подножья передавали просьбы к великому божеству, просили совета и пророчеств. Дубо-

вый Кряж передавал это Нишке-пазу. Нишке-паз отвечал. Это взаимопроникновение, общение с Богом требовало особого состояния человека-проводника, требовало огромных сил. Дубовый Кряж спускался с дерева похудевшим и обессиленным, не стоял на ногах, падал. Дерево как будто вбирало в себя его силы, высасывало соки из человека. Люди понимали это и беспрекословно шли за Дубовым Кряжем, избранныком Нишке-паза.

Но когда никого не было рядом, священное дерево ли, или дух Нишке-паза отдавали свои силы и соки человеку, находящемуся в кроне. Люди это тоже знали, и, когда Дубовый Кряж шел к дереву один и просил, чтобы его не сопровождали и не беспокоили, его не беспокоили. Знали, полученное от дерева Дубовый Кряж вернет народу своему.

Но после гибели инязора некому стало общаться со священным деревом. Никто не мог разобрать советов Нишке-паза. Дождя не было давно. Дождь нужен. Как упротить Нишке-паза, чтобы дождя дал? Молились, просили, но кто мог сказать: понял Нишке-паз, не понял? Поможет, нет ли?

Свирепый Бык недавно влез с помощью своих прихлебателей на дуб священный. Пытался пророчествовать с дерева. Ссылался на благосклонность Нишке-паза. Но обещанный им дождь так и не выпал.

Среди жителей Ошпанды все упорнее ходили слухи, что Свирепый Бык не в чести у Нишке-паза, зато сын Дубового Кряжа, юный Морго Тумо, беседует со священным дубом, с теми, кто прячется в его кроне.

Пришли люди к Морго Тумо.

— Вай, Морго Тумо, не передашь ли Нишке-пазу, что он забыл дочку свою Ведьаву послать с водой на землю, чтобы помогла Мода-аве* полить землю. Засуха сушит посевы, мы останемся без хлеба.

— Вай, Морго Тумо, иди. Если тебя послушает Нишке-паз и будет говорить с тобой, быть тебе инязором заместо Быка Свирепого.

Просили и пришедшие когда-то с Быком, и свои, старожители Ошпанды. Все равно теперь и без хлеба смерть, и от Быка смерть. К тому же болгары ушли, а недавно исчез из городища и Свирепый Бык. Может, ушел дань собирать со своими дружинниками, может, за болгарам в Болгарию, может, отсиживается в дальнем веле** у одной из своих алуж***. Может, и у алуж. Ибо семью свою оставил Свирепый Бык в Ошпанде.

Появились в городище, пользуясь случаем, Кривой Глаз с Сипатым Прончатом.

— Айда к Священному дереву, Морго Тумо. Ты с ним часто разговариваешь, мы знаем. Поговори с ним о нас. Передай поклоны наши, наши просьбы. Забыл Нишке-паз про нас, напомним.

И пошел Морго Тумо к дубу священному. И пошли за ним, неся с собой подарки для Нишке-паза, жители Ошпанды, и свои, и пришлые. И мужчины, и женщины. Чачома Тешкс и Баяга выделялись. Какие стали! Словно две яблони весной зацвели.

И при всех взлетел Морго Тумо по стволу до первой ветви, даже слуги не понадобилось. Люди ахнули. И сказал сверху им:

— Замолчите внизу. Чтобы не слышал вас прежде времени Нишке-паз.

Прижался наверху к самому толстому суку. Шумели сурово листья, как звенья кольчуги, терлись друг о друга ветви, как плечи воинов, идущих на битву.

— Война будет скоро.

— Как скоро? — простонали внизу.

---

* *Мода-ава* — богиня поля.

** *Веле* — село.

*** *Алуж* — возлюбленная, любовница.

— Осенью, как урожаем уберем.

Вздых-стон послышался снизу.

— Хороший ли урожай будет? — снизу...

— Хороший урожай будет,— сверху, словно эхо...

— Дождь будет завтра? Послезавтра? — снизу...

— Завтра-послезавтра... — сверху.

Морго Тумо не помнил, как спустился с дуба. Внизу его поймали, поддержали, не дали упасть на корневища.

— С кем война, какая война?

Морго Тумо лишь головой потряхивал и тревожно улыбался.

— Э, парень, что-то ты пугаешь нас.

— Война как дождь,— качали головой другие.— Нет утром, нет днем, а тут в ночь и пролился...

— Значит, будет дождь, если он сказал, что сначала мы уберем урожай. Значит, будет урожай, а там уж война...

— Ничего больше не скажу,— Морго Тумо сам не свой был.— Устал...

На коня сел, впереди Родинка перед ним села. От Солнечной Звездочки или от дубовых веток, что касались и охаживали Морго Тумо по дороге, усталость прошла. Усталость прошла, тревога осталась. Весь другой день сам не свой был.

— Где дождь? Морго Тумо! — казалось, кричали ему все: и люди, и поля.

На третий день не выдержал, взял дубинку от волка Верьгиза, кинжал княжеский от медведя Овто и рано-рано перелез через дубовый частокол Ошпанды. Даже Родинке ничего не сказал. Родинке, которая, пока не было отца, не отходила от Морго Тумо ни днем, ни ночью... Нынче шептала жарко:

— Неужто Рузонь-паз не велит иметь двух жен? Тогда хочу русскую веру,— как вроде в шутку.

9

Нынешним утром не пала роса на травы, как в прежние засушливые дни. Лесное разнотравье оставалось колючим, как иголки, и вместе с сосновыми иголками хрустело, шелестело под босыми ногами. Даже в бору всегда вкусный и свежий хвойный запах глушился удушливо сухим воздухом зноя и недалекого пала. Значит, быть дождю. Это одновременно и радовало, и тревожило душу Дубового Сука. Так и бывает перед грозой. Тревожно и радостно.

Не зря два дни назад всем родом-племенем упрашивали могучего и строгого Чам-паза, чтобы его дочь Анге-патяй, вечно юная покровительница плодородия, помогла взрастить богатую пшеницу.

Упрашивали доброго и справедливого Нишке-паза, чтобы его брат Пурьгине-инязор, князь грома, разразился грозой. Чтобы Ведь-ава не пожалела воды для дождя... Не зря вечером хлебозары-зарницы вспыхивали в той стороне, откуда дождь приходит. И начинался порывистый ветер... Нагонит-нагонит дождь.

У молодого ноги подкованы ветром. Не успел оглянуться, ноги принесли Морго Тумо к огромному, в пять человеческих жизней по возрасту, а может, больше — кто считал? — развесистому дубу. В кроне этого великана вершину не увидишь. Там Нишке-паз. Или, может, дух его. Ведь не может Нишке-паз быть только в одном месте. У соседей тоже есть огромный дуб. И тоже уверяют, что там Нишке-паз. Старики даже спорили: как так? Нишке-паз один во многих местах? Не иначе, как работники его замещают. Чам-паз, например. Или он вместо себя дух свой посылает. Сколько дубов, столько духов. Разделился. Разве так можно? Но на то он и Нишке-паз. Он и землю сотворил, значит, он все может.

Но что такое? Вокруг священного дуба стена из воинов. Стена из русских дружинников. А возле самого дуба кто-то собирает дары, рвет с веток рушники холстинные и бросает в костер.

В черном. В таком одеянии Дубовый Сук видел человека в храме рузонь. Это служитель Рузонь-паз — русского бога. Тот самый поп-батюшка, как его называют русские. В черной, длинной до пят рубахе, на груди крест... Крест — это что-то незнамо-страшное. Это как тоже частичка их бога. С этим крестом, говорят, они не боятся Нишке-паза и его свиты. Но что же он делает? Зачем срывает с дуба и топчет, и бросает в костер дары и холстинные рушники, пожертвованные народом Дубового Сука Нишке-пазу. Зачем?! Так вот он, враг! Вот кого надо убить! За осквернение священного дуба. Дубовый Сук чуть не задохнулся от ярости. Не его ли Нишке-паз избрал орудием мести? Не он ли должен защитить от поругания свой священный дуб?!.. Ведь и он — ветвь дуба.

Вот она — пора возмужания. Морго Тумо и не раздумывал больше. Он растолкал стену из крепких плеч воинов и бросился на осквернителя со своей дубинкой проучить нечестивца, защитить святое. Вот он взмахнул дубинкой своей, которую приготовил для волка, ударил. Вот ножом еще ткнул, но тут же от мощнейшего удара в голову и сам скувырнулся рядом с попом-батюшкой. Ни боли, ни света...

Очнулся. Кто-то плеснул ему в лицо водой из ковша.

— Чего с ним вожжаться? Приколоть да закинуть в овраг.

Дубовый Сук узнал русский говор, хотя мало чего понимал.

— Ты кто такой? — подошел к Суку плечистый, с курчавой бородкой воин в светлой кольчуге.— Ну, встань, встань. Сможешь стоять-то? Парень уж.

Дубовый Сук встал, поежился, качнулся.

— Будет ответ держать. Ты по-русски разумеешь ли?

— Здорово были,— вспомнилось Морго Тумо.

— Здоровее видали, да оплеух надавали,— усмехнулся в светлой кольчуге.— Эй, кто знает по-ихнему? Где давешний бортник?

Из-за спин воинов протиснулся Кривой Глаз.

— Этот из каких? Из ваших? — грозно продолжал вопрошать в светлой кольчуге.

Инязор, видно, русский.

— Морденс мон* и сонь**, — с достоинством поклонился Кривой Глаз.

— Ты не мон-сонь, а говори по-русски. Из чьих вы с ним? Люди кто?

— Люди? Ломанть.

— Ну вот, ломани. Пошто хотели отца Нестора убить? Отвечайте по чести, ибо суд мой, а на кону ваши жизни. Особливо этого молодца.

— За что ты хотел убить ихнего молебшика? — тихо спросил Кривой Глаз Морго Тумо.

— Громче! — возвысил голос русский инязор.

— Он разорял наш дуб священный,— хмуρο промычал Морго Тумо.— Он враг, а ты врагу служишь?

Кривой Глаз переводил все.

— Он не враг. Он идет походом на болгар, что убили отца твоего.— И князю: — У него болгары отца убили. Отомстить хочет.

— Не с того начал. Пошто же на батюшку нашего напал?

— Так святыню же хотел тот порушить!

— Все ваши идолы — нехристи, нечистая сила. У нас тоже полно таких. Лешие да водяные, ведьмы да домовые. Небось, креста они христианского побоятся. Им

---

* Мон — я.

** Сонь — он.

всем дано несколько дней побеситься: на святых да на Ивана-купалу. А так все в преисподней.

Кривой Глаз переводил по своему разумению.

— Говорит, наши боги — слуги шайтана и все под землей. А на небе их бог Христос, а на земле, выходит, никого нет,— и руками развел.

— А Ведь-паз, что Родинку хотел утащить, и я еле-еле отбил? А Нишке-паз, который обещал дождь? — По листьям дуба зашумели первые капли дождя.— Видишь этот дождь? Нишке-паз обещал, слово держит.

10

Дождь уже хлестал по листьям и по лицам, костер погас. Из глазных впадин слугителя русского бога вылетали светлые брызги.

В князе боролись два чувства: наказать, не раздумывая, убийцу и, не уронив достоинства княжеского, соблудности закон. Что там по закону? Убить или взыскать виру. Кабы виру взыскать... А найдут ли они виру? Выкуп за убитого? Все же обратился к дружинникам:

— Убить или взыскать?

— Убить! — взревели окружающие воины.

Дождь вдруг смолк. Лишь звонко капли падали.

— Князь, князюшко! — послышалось вдруг с земли, где лежал поверженный священник.

Как бы ни было шумно и громогласно вокруг Морго Тумо, однако голос пастыря божьего был слышен, как и падение капель. Думали: все уже, мертв. Ан жив пока.

— Ну-ка, тихо все! — В светлой кольчуге опустился на колени перед лежащим, наклонился ниже.

— Отпусти его... — послышалось опять слабое.— Дитя неразумное, языческое. Не разумеет, что творит. Да я и сам виновен... — прерывисто, из последних сил говорил лежащий.— Надо с божьим словом, а я с гневом... Прости его... — и глаза смежил. Дух испустил.

Князь смутился. Окружавшие его воины так же смутились.

— По закону — убить! — Он обвел глазами своих воинов.— Или заставить выплатить выкуп. Виру. Кто поручится за человека, убившего нашего священнослужителя? Нет такого?

Дождь снова начался. Не такой сильный, а словно из сита: мелкий и затяжной, в самый раз для хлебов.

— Я, рузнь инязор! Я поручусь за своего инязора! — вышел вперед и поклонился Кривой Глаз.

— Поручишься, что он выплатит виру?

— Выплатит, рузнь инязор. Видишь, дождь какой? Мы соберем и выплатим виру. Коли дождь пошел, значит, люди поверят Морго Тумо и виру за него любую внесут.

— Не знаю, поверю ли я ему и тебе... Откуда у тебя этот нож? — обратился к Морго Тумо русский инязор. Он вертел в руках отнятый у Морго Тумо нож.

— Это нож моего отца.

— Нет, это нож моего отца. Видишь клеймо?

— Моему отцу давно дал русский инязор.

— Какой русский князь? Как его звали?

— Инязор Глеб.

— Мой отец,— раздельно произнес человек в светлой кольчуге,— дал твоему нож? За что?

— Они были друзья.

— Верно. У него был друг из ваших... Большой Дуб, что ли?.. Стой-стой... Показу, что ли...

— Похш Тумо*, — помог Кривой Глаз.

— Мой отец — Дубовый Кряж! — гордо произнес Морго Тумо.

— Ну да, да! А зачем же ты набросился на русского попа? За это дерево? Это что, ваш оберег? Дуб? Родовое дерево?

— Да, заступник народа моего.

Рядом с допросчиком появился, словно из воздуха родился, еще один воин, похожий на первого, лишь борода только пробиваться стала. Он был в такой же светлой кольчуге, в шлем-шишаке, закрывающем забралом переносицу.

— Князь Роман! — возбужденно-радостно обратился он к допросчику. — На семь верст — никого. А за этой рощей — проселок. Там крепостные стены виднеются. Это то самое городище, о котором отец говорил.

Морго Тумо узнал побратима своего:

— Володимир! — И потянулся к нему.

— Ну-ну! Не дергайся! — стороживший Морго Тумо русский воин наставил на него копьё, кровяня подбородок.

— Городище? Это твое селение, молодчик? Он отца Нестора на тот свет отправил. — Князь протянул нож. — Узнаешь нож? Наше княжеское клеймо на нем. Говорит, батюшка наш ему подарил.

Володимир глянул на нож и глянул на пленника.

— Да это ж сын убитого побратима отцовского и мой побратим, Сук Дуба, — на русский лад назвал он Морго Тумо. — Ну-ка, отпусти его, — приказал он воину.

Тот вопросительно посмотрел на старшего.

— Ты не должен приказывать моим воинам, — осерчал вдруг князь Роман и начал при всех выговаривать младшему: — У моих воинов должен быть один воевода. Это я. Наш батюшка да набольший воевода владимирский, лишь те могут приказать моему воину. А тебе и твоим воинам я могу приказать, потому как я набольший над тобой. А ты моим воинам не указчик.

Володимир стусевался.

— Прости, брат. — Он смиренно склонил обнаженную голову.

— Так вот. — Старший брат был отходчив. Полуобнял младшего. — Начался поход. Чти чин. — Он глянул на пленника. — А этому или смерть, или пусть платит виру. Ты поручишься за него? Пока он виру раздобудет.

— Мы побратимы, — оживился вновь Володимир. — Он тоже сын княжеский, и я за него ручаюсь.

— Ну, добро. Оставляю тебе его, пленником. Заверни с воинами в мордаванское городище, взыщи виру. Заодно узнаешь, что и как там. Пригодится, — глаза его на миг подобрели, голос помягчел. — Стригунок!..

Он посмотрел на лежащего под дубом.

— А батюшку мы здесь и похороним, под сим дубом. Пусть две веры рядом будут.

Помирятся. Как мы сами часто с иноверцами миримся против иных ворогов.

Володимир дал Морго Тумо своего запасного коня. Нашелся конь и для Кривого Глаза. Никаких седел. И без седел крепко могли мужи Ошпанды обратить коня.

— Кстати подоспели вы, русские. Пришло время коней наших забрать из конюшен Свирепого Быка, — поделился с Володимиром Дубовый Сук мыслями своими. — От коней Дубового Кряжа у Свирепого Быка целый табун только одного приплода. Чей приплод?

---

* *Покш* — большой, *тумо* — дуб.

— Разберешься,— смеялся Володимир.— Ты князь. По закону своего народа.
— Князь,— стиснул зубы Морго Тумо.— Ни земли, ни коней. Все у Свирепого Быка.

— У меня тоже нет ни надела, ни вотчины. Победим болгар — будут и вотчины, и наделы.

Подъехали к стенам городища. Сторожа, узнав Морго Тумо, отомкнули ворота.

— Сзовите всех к дому инязора Морго Тумо!

11

Три раза прозвучал давно забытый сигнал торама*. Первый раз, услышав торама, жители не поняли, что это за звуки такие. Второй раз прозвучала торама. Вспомнили: сбор у крыльца инязора Дубового Кряжа. Третий раз пропела торама. Оставили домашние дела люди. Бросились к крыльцу нового инязора Морго Тумо. Знать, крепкая нужда пришла инязору, коль разбудил торама и заставил ее звучать.

— Сородичи,— начал Морго Тумо,— я ваш инязор! Мне помогают русские люди, которые идут походом в Булгарию. Они отомстят и за нас болгарам. За наших павших. Я иду с ними. Молодые воины, товарищи мои! Я вас зову с собой. Отомстим за павших отцов! Кто хочет поквитаться с булгарами, я вас зову с собой. Отомстим за павших братьев наших! Айда на болгар!

— Айда! — откликнулись парни, товарищи инязора.— Мы с тобой, инязор!

— Айда! — откликнулись другие мужчины.— Мы с тобой, инязор!

— Мы с тобой, инязор! — откликнулись парни из другой ватаги, из ватаги Айгара.

— Мы с тобой! — Айгар и сам сказал.

— Сородичи! — продолжил Морго Тумо.— Возле нашего священного дуба я, обезумев от ярости, убил слугителя русской веры. Я защищал нашу веру. Убийство человека, по законам предков, карается смертью убийцы. Если он не защищал свою жизнь. По законам рузонь, за убитого тобой человека можно заплатить выкуп. Виру.

Морго Тумо быстро освоился в новой своей ипостаси. Видно, сильно ему помогают живущие на священном дубе, здорово помогают ему его покровители.

— Сородичи! Я еще не ведаю своего табуна и своих полей, отнятых Свирепым Быком. Поэтому я прошу вас помочь мне, своему инязору. Вы вручаете мне свои жизни, идя со мной на бранное поле. Так не пожалейте мне частицы вашего добра, чтобы выплатить виру.— Он прерывисто вздохнул.— Если вы стоите за мной, если вы идете за мной, если вы думаете связать со мной жизнь нашего народа...

— Бери, инязор! Бери у нас, сколько надо! — загудела толпа.

— Бери бель** и ярмакт***!

— У кого нет ничего, бери самого!

— Бери наши жизни!

Люди побежали по домам, тут же начали возвращаться.

— На, считай, Кривой Глаз!

Кривой Глаз монеты собирал в шапку, беличьи шкурки в торок у седла рузонь князя.

— Хватит, хватит! — дивился происходящему русский княжеский сын Володимир.

— Бери на оружие Морго Тумо! Бери на седла! — неслоь отовсюду.— У меня возьми!

---

* *Торама* — сигнальная труба древней мордвы.

** *Бель* (древн.-рус.) — белки, пушнина.

*** *Ярмакт* — деньги.

— Почему у меня не берешь? — обижалась.

Родинка подошла. Сняла с груди недавно купленные ей на русском майдане бусы.

— Возьми, возлюбленный, возьми для своего похода.

Баяга подошла к собираемой вире. Протянула монетку.

— Отец перед походом, где он погиб, оставил на нужду нам. Настала нужда.

Возьми, инязор.

К вечеру дождь прекратился. К вечеру накрыли жители Ошпанды и ближайшей округи столы в честь богини дождя и воды Веды-авы.

— Она тебя любит. И ты ее любишь? — недоверчиво и ревниво спрашивала у

Морго Тумо Родинка. — Не променяешь меня на нее?

Морго Тумо лишь отрешенно улыбался.

Сидели за столами. Русский князь около Морго Тумо во главе столов. Рядом Айгар, предводитель второй ватаги. Рядом Кривой Глаз и Сиплый Прончат. Ветка рядом и Лисичуха. Родинка рядом и Баяга неподалеку. Понравилась очень Баяга русскому князю.

— Иди ко мне, красавица! Я буду любить тебя.

Обожгла Морго Тумо искрами глаз своих Баяга. Больше ни на кого не взглянула. Убежала. Попытался русский князь за ней погнаться, да после пуре* ноги не держат! Голова светлая, любить хочется всех, а ноги не держат.

Объявил Морго Тумо тут о том, что он берет в жены Родинку.

— Будешь ли ты, Родинка, верна своему мужу? Будешь ли любить его, рожать ему детей? — спрашивали старейшины.

— Буду, — светло отвечала Солнечная Звездочка. Любить буду, верной буду. — И шепнула своему возлюбленному: — Ребенок у меня бьется под сердцем. Твой ребенок.

— Возьми нож. Не вернись, отдашь сыну, — протянул Родинке Морго Тумо нож русского инязора.

Поздно ночью уже, когда русского князя уложили в горнице, а Морго Тумо остался с Родинкой, та ему опять заявила:

— Хочу русскую веру. По русской вере, мужчина берет жену только один раз. Хочу, чтобы я у тебя была одна.

Утром в поход. Собрали коней бывших Дубового Кряжа, а после — Свирепого Быка, а теперь — коней нового инязора.

Все раздал Морго Тумо своим воинам. Кому-то не понравилось. Айгар нахмурился, промолчал...

С утра новая многотрудная жизнь.

Вместо послесловия

По дороге на Булгарию отстал Айгар со своей ватагой и братьями своими. Многих коней увели. Встретились сыновья с отцом. Пронеслись по земле Морго Тумо. Забирали ценное, топтали хлеба, колосившиеся стеной после дождей. Постояли возле закрытых Веткой и старейшинами ворот Ошпанды. Погрозились. Из-за Оки спешили на помощь мордавам предупрежденные накануне русские. Ушли люди Свирепого Быка туда, откуда пришли.

После того как объединенные русские князья и с ними Морго Тумо разбили болгар и взяли с них дань великую, пошли каждые по своим землям. Морго Тумо уговорил рязанцев помочь ему против Свирепого Быка. Отмечает после русский летописец: «...И поворотиша коней на мордву...».

---

* Пуре — хмельной медовый напиток.

Рязанские князья за помощь стробовали с Морго Тумо часть его земель вместе с городищем, прилегающих к Оке. Морго Тумо и его соплеменникам пришлось отступить в междуречье Суры и Мокши. Земля досталась побратиму Володимиру Глебовичу Рязанскому.

Всякое приходилось Морго Тумо: заключать союз с одним русским князем против другого. Ибо не прекращались на Руси междоусобицы. Заключал инязор союзы с хазарами против русских, с половцами против хазар.

И привез Морго Тумо из половецкой земли себе жену, княгиню кипчакскую. Для скрепления союза взял за себя дочь половецкого хана. Черноглазку. И привез Черноглазку в Ошпанду.

И нашли утром Черноглазку с ножом в груди, с ножом, подаренным когда-то русским князем отцу Морго Тумо, Дубовому Кряжу.

— За что ты убила Черноглазку? — горестно спросил Морго Тумо свою Родинку, свою Солнечную Звездочку, свою Чачома Тешку.

— Я одна хочу тебя любить, я ни с кем не хочу делить тебя, — отвечала Родинка. — Мы с тобой повенчаемся в русском храме, и ты будешь любить лишь одну меня!

— Нет, горе мое ты, а не радость! Не звездочка уж, а ночная темнота. По закону русскому, за беспричинное убийство — или смерть, или большой выкуп, вира. По закону наших предков, убийство беспричинное карается смертью.

— Так ты не думаешь выкупить меня?! — изумилась Родинка.

Ушел Морго Тумо в лес. К дубу — покровителю народа своего. Прижался в кроне к стволу. Стал думать Морго Тумо: можно ли закон подмять под себя? Скажут друзья-соседи: у них закона нет. Как с ними договариваться? Как с ними заключать союз, если у них порыв страсти сильнее закона?

Стал думать Морго Тумо: если не накажу свою жену, что скажут чужие? Кому-то можно преступить закон, а кому-то нет? Значит, и всем можно будет жить беззаконно.

— Я не нарушу закон моего народа, — сипло произнес Морго Тумо. — И не позволю, — возвысил он голос, — чтоб кто-то перечил моей воле. — И снова тихо: — Смерть за смерть. — И отдал свою Звездочку палачу. Осиротинил детей своих. Чиркнул палач ножом по горлу Родинки. Там, где у нее была солнечная звездочка. Опрокинулась Родинка. Упал на кровавую грудь Родинки Морго Тумо.

— Что я натворил?! — воскликнул в горе непомерном.

...Похоронил он ее в священной роще под священным дубом, рядом с могилой русского божьего служителя. Она мечтала о русской вере.

— Пургазь верь алуж, — стал называть своего инязора народ его. — Обрызганный кровью возлюбленной...

А скромная Баяга дождалась своего праздника. Она была хорошей матерью для всех детей Пургаса.

«Пургаз», «Пургасова волость», «Пургасова Русь» — осталось об этом времени в русских летописях. Во время татаро-монгольского нашествия, во время грозы великой Пургаз выступил на стороне рязанских князей.

